

*Камень тоже рождается, живёт, умирает,
растворяется и превращается в пыль.
Человек — на бессмертье души напирает,
верит в чудо, в свою запредельную быль.*

Николай Николаевич Беляев (1937–2016), известный казанский поэт, оставил большое литературное наследство: две тысячи стихотворений, опубликованных в 15 книгах.

Выпускник Казанского университета, окончивший геологический факультет, он стал геологом-геофизиком и провёл много лет в полевых экспедициях — на Кузнецком Алатау, в Казахстане, Сибири, на Урале, в Туркмении. Поработал также инженером-конструктором по нефтяной автоматике, потом сотрудником телевидения и редакции молодёжной газеты. Не переставая, писал стихи, и, в конечном счёте, главным делом жизни и постоянной творческой потребностью стала для Беляева поэзия. С любовью и благодарностью относился Беляев к Казани, как к родному городу, определившему его судьбу и вдохновлявшему его на творчество. Это получило яркое выражение в стихах. Беляева даже называли «самым казанским поэтом».

Мой опыт живого общения с поэтом невелик. Я пару раз слушал его публичные выступления, сделанные им в последние годы жизни. Ранее прочитал два сборника его стихов. Стихи мне понравились. А в ходе выступления в Казанском университете Николай Николаевич прочитал ряд стихотворений, которые меня особо заинтересовали, поскольку область моих научных исследований — космизм и, в частности, космизм в русской поэзии. После выступления Беляева я подошёл к нему, мы познакомились. Поэт поделился со мной своим электронным адресом и подарил мне свою книгу «Казанская тетрадь». В автографе заглавными буквами вывел «БУДЕМ!!!». Я понял, что это — девиз его жизнеутверждающей поэзии. Тогда и захотелось написать о поэзии Беляева статью. Мой замысел реализовался только теперь, через 7–8 лет, и, увы, Николая Николаевича уже нет в живых. Мне он запомнился как мудрый, доброжелательный и открытый человек.

Я не собираюсь анализировать всю поэзию Беляева. Меня интересуют в первую очередь его стихи метафизического и космического характера, стихи, обращённые к вечным вопросам человеческого бытия. В ходе вчитывания в стихотворения

Беляева в моём сознании сформировалась триада «небо — жизнь — смерть», в рамках которой я и постараюсь представить мировоззрение поэта и рассмотреть его размышления религиозного характера.

Прежде всего, я обратил внимание на то, что Беляев много писал о тайнах космоса, Бога, жизни, смерти, разума, души, сновидений, мозга, искусства, музыки, поэзии, о загадках гения, «духа русского», об улыбке женщины, «... божественной, и Тайне сопричастной» (1, с. 60), о «необъяснимой страсти» материи к развитию (2, с. 23). Поэт даже утверждает, что есть Тайна с большой буквы, которая неустранима: «*Не эфир, не субстанция — Тайна / чьё присутствие неизгладимо*» (1, с. 156).

По мнению Беляева, атмосфера таинственности стимулирует творчество. Тайны могут пугать, страшить, но в то же время они притягивают к себе внимание, вызывают интерес, будят и будоражат воображение и в конечном счёте заставляют напряжённо думать.

Наука многое делает для познания природы и открытия её законов, но сфера познанного слишком мала по сравнению с бездной неизведанного. Слишком много вопросов, на которые у человечества нет ответов.

*Не все ещё Тайны природы
раскрыты, подвластны уму.
И вспышка фонтана Свободы
не высветит Космоса тьму* (3, с. 118).

Наука не обладает монополией на истину. Тем более рациональное познание не схватывает присутствия иррационального в мире, что способно делать искусство. Оно имеет право на поиск истины, и надо ценить его открытия, догадки и прозрения. Поэзия также имеет свои цели и задачи. Среди них есть задача создания поэтической картины мира. В этом отношении Беляев поэзию характеризует следующим образом:

*Она — обязанность: услышать, воссоздать
картину мира — запахи и звуки,
всё, что запомнила душа, глаза и руки* (1, с. 178).

Он склонен даже сакрализировать поэзию, рассматривая её в качестве особой религии, в которой места богов занимают великие поэты.

*Поэзия — лучшая из религий!
В моей мечети Шекспир с Хайямом
сидя слушают старца Овидия,
историю горестную его.
В моей мечети Тукай с Дэрдмендом
почти столетие спорят тихо.
И Пушкин с Евгением Боратынским
о Чаадаеве говорят* (4, с. 68).

Такая поэзия — настраивает душу на возвышенный лад и устремляет её к небу. Беляев восклицает: «*Главное — сквозь тернии! / Сквозь время, ветер, в небеса, в зенит!*» (2, с. 109).

Небо играет очень важную роль в поэзии Беляева. Оно есть символ всего возвышенного, беспредельного, божественного, вечного и бессмертного. Небо — это пространство

ветра, свободы и неограниченного полёта. Наконец, небо — это Космос со своими светилами, иные миры. Поэт в своих стихах говорит о значении Солнца, Луны и звёзд в жизни и выделяет те чувства человека, которые возникают у него под ночным звёздным небом. Он предлагает каждому поискать и найти свою звезду в небе:

*Поднимись и выйди в темноту,
мириады звёзд над головою
обнаружишь и отыщешь ту,
что твоей, земною правит жизнью,
наполняет музыкой любви,
спазмами, слезами об Отчизне,
робкой верой,
вспыхнувшей в крови... (3, с. 33).*

Важное ощущение, возникающее под звёздным небом — это ощущение единства земного с небесным. Этому у Беляева посвящены прекрасные строки раннего стихотворения:

*И струится тропа соловьиная,
и сквозит, словно тайный свет,
ускользающе — необъяснимое,
то, чему и названия нет.
Подступает, как сумерки поздние,
то глубинное, что роднит
тишину с полуночными соснами,
незабудку, звезду, родник... (5, с. 100).*

Но, чувствуя себя частью великого целого, ты не утрачиваешь свою индивидуальность перед лицом Вселенной. Наоборот, это настраивает тебя на творческое восприятие чего-то уникального, что есть в мироздании. По мнению Беляева, можно услышать музыку космоса, обращённую именно к тебе:

*Но — чу! — из глубин мирозданья
струна золотая поёт...
Ты, может, единственный внемлешь
далёкому пенью её.
И веришь в признание, и меришь
тем пеньем своё бытие (4, с. 70).*

И космической музыке словно эхом отвечает земная природа:

*Какая ночь! — цветущая звездами,
и безднами... И встречный, от земли
ответ — земными травами, цветами,
глазами ясными...
Прислушайся, внемли,
услышав звуки музыки вселенской... (1, с. 157).*

Представленные стихи выстраивают поэзию неба, которую Беляев дополняет в других стихах современными астрономическими представлениями. Речь ведётся о квазарах, чёрных дырах, тёмной материи. Космос опасен для жизни. В нём бушуют колоссальные энергии, происходят чудовищные взрывы и столкновения, уничтожающие звёзды и даже целые галактики. «Космос дышит ядерной накачкой» (1, с. 207).

Чёрные дыры безвозвратно засасывают в себя всё, что попадает в поле их притяжения. Об этом Беляев пишет так:

*Нам показали кадры страшные вчера,
как чьё-то Солнце съела Чёрная Дыра...
Пусть я не спец по этому предмету,
как не тревожиться за всю мою планету?» (2, с. 110).*

В 1956 году Беляев в составе студенческого отряда ездил в Казахстан для работы на целинных землях. Там он стал свидетелем испытания водородной бомбы, наблюдателем гигантского смертоносного гриба, поднявшегося над степью, что описано в его стихотворении «Всем миром по грибы». Эту бомбу поэт охарактеризовал так: «Дикого ума устройство... / Детище прогресса мирового, / предел, итог... Спресованная тьма, / свет, смертоносный для всего живого...» (2, с. 87). Слава Богу, испытания ядерного оружия прекратились. Но опасность ядерной войны сохранилась. Наверно, не случайно апокалиптические послания и видения посетили поэта во сне:

*В пустыне сна нездешний мощный голос
меня потряс. Он Тайну мне открыл.
Он из глубин Вселенной исходил,
и явно не был человеческим тот голос:
Смотри: зажглась во мраке новая звезда.
Вчера была она цветущей планетой.
Созрела... Ведь у жизни цель одна —
пространству подарить источник света...
И в ужасе, вскочив, проснулся я (2, с. 51).*

Ясно, что гибель населённой планеты — это великая утрата. Но если говорить о свете, исходящем от живой и разумной планеты, то таковой должен быть светом не разрушения и гибели, а творчества и созидания.

Природа неживая и живая играет огромную роль в жизни человека. Но что такое жизнь сама по себе? В чём её суть? В чём её смысл? Этим вопросам в своей поэзии Беляев уделял большое внимание. Прежде всего, поэт подчёркивал, что жизнь есть великий Божий и природный Дар. Она самоценна. Надо всегда помнить — если ты её утратишь, то «... никто / ничего / никогда / не предложит нам с вами взамен...» (4, с. 62). Жизнь есть ощущаемое бытие, а для человека она является и осознающим себя бытием, выступающим как динамическое единство его души и тела.

Жизнь есть всегда процесс, изменение, развитие. Всё живое существует в пространстве, но живёт во времени. Даже пребывая в покое, оно течёт во времени, выражая его. В сущности, жизнь и есть время. Беляев даёт такую формулу: «То самое время, / которое, в сущности — мы» (5, с. 42). Для каждого человека жизнь есть конечное время — определённый срок, начинающийся с рождения и заканчивающийся смертью. Но жизнь связана не только с отдельным человеком, но и с его родом. Тогда она есть продлевающееся время, выступающее как бытие, смена и эстафета поколений.

Поэт связь человека с земной природой, со своим родом, с предками и потомками выразил в следующих строках:

*Я связан — прочной цепью ДНК,
корнями трав, деревьев, облаками —
с моими предками и с теми, кто родится
через столетия...*

*Без этой связи — был бы я неполон,
непредставим, она важнее прочих (3, с. 67).*

Человеческая жизнь — это очень сложный, многосторонний и противоречивый феномен. Поэтическое освоение его жизни, прежде всего, обращено к раскрытию богатства человеческой души, постоянной смены её состояний. Беляев писал: «... тайна, девочка, полночь, Психея и бездна — душа!» (2, с. 65). В другом стихотворении он назвал душу страной, имея в виду её огромное содержание. Обращаясь к любимой, он пишет:

*Страна души твоей
немеренной равниной
лежит в мерцанье звёзд, озёр и тополей.
В твоих просторных, словно мир, глазах
мне — странствовать
и петь — легко, открыто... (5, с. 78).*

Живое богатство души — это колоссальное многообразие положительных и отрицательных ощущений и чувств, смутных предчувствий и догадок, мыслей и воспоминаний, интуитивных прозрений и неуловимых сновидений. Душа включает не только разумное рациональное начало, но и иррациональное нечто, то, что составляет её главную тайну. Поэзия нащупывает такую тайну и в определённой мере её выражает. Данное утверждение правомерно и для музыки и живописи. Поэзия, используя то или иное слово, как бы поворачивает его, открывает в нём музыкальное начало вместе с «...издревле в нём бытующую Тайной» (1, с. 10). По мнению Беляева, «Есть в поэзии закономерности, / выше нашего разумения» (1, с. 102). Искусство затрагивает и раскрывает самые глубокие стороны человеческой души.

А что проявляется на поверхности? Душа любит или ненавидит, радуется или плачет, хочет чего-то или не хочет, очарована или разочарована, волнуется или успокаивается, испытывает подъём или упадок... Однако переживания бывают не только простыми и бинарными, но и гораздо более сложными, имеющими тонкие нюансы. Такое многостороннее состояние души Беляев описал в следующем стихотворении:

*Соловиный нежности стон,
В дальний угол души упрятанный.
Еле-еле угаданный сон,
Тихо выпавший снег незапятнанный.
Лепет сердца: — Замкнутый круг...
А из глаз — прорвавшимся светом —
Невозможность, счастье, испуг,
Ересь, жажда, родство с кометой... (5, с. 86).*

Жизнь человеческая невозможна без общения, в котором душа одного человека открывается душе другого.

*Слово за слово — раскрывается
перед тобой человек, душа...
Постиженья, общения таинство,
не тобой ли жизнь хороша! (4, с. 45).*

Важно сделать свою жизнь содержательной и полновесной. Беляев использует известный образ наполняемого сосуда: «Жизнь — сосуд, и важно — чем? — ты успел его объём наполнить...» (3, с. 144).

Жизнь имеет светлые и тёмные, высокие и низкие стороны и проявления. Поэзия всегда воспевала любовь как высшее человеческое чувство и склонна была его обожествлять. Вот и Беляев говорит: «А я всю жизнь пытался петь Любовь, / то, без чего — ни жизни, ни Свободы...» (2, с. 83). Любовь является одухотворяющей творческой силой, способной преворачивать и окрылять душу.

*Светлой властью любви,
властью нежности неодолимой
Ты меня воскресила.
И окно распахнула в апрель... (5, с. 76).*

Обращаясь к любимой жене Лоре, «лучшей из лучших дочерей татарского народа», Беляев с благодарностью пишет: «Ты — зренье мне дала, / все краски мира видеть научила» (2, с. 32). Он убеждён, что искусство коренится в конечном счёте в любви.

Взаимная любовь — важное условие человеческого счастья, по определению Беляева, «странного времени года», условие постиженья такого блаженства, когда «Мы не ходим — летаем, плаваем!» (5, с. 81). Но такое состояние не может быть долгим. Но долгой может стать любовь, остающаяся опорой жизни. Какой же любви, помимо её взаимности, люди ищут?

*Настоящей, честной, понимающей,
видящей и мудрой, как змея,
за собою все мосты сжигающей
ради вечной ценности — семья!
Чтобы улыбались — год за годом,
и в достатке жили, и в труде,
чтоб народ — великим был народом,
а не кое-как и кое-где... (3, с. 60).*

Однако жизнь — это не только любовь, радость, счастье, благополучие, удачи и успех, но и страдания, боль, лишения, неожиданные удары судьбы, неудачи, депрессии и т.п. Каждого живущего впереди ожидает неизбежная смерть.

Да, «Жизнь — как жизнь — трудна» (3, с. 63). Она бывает жестокой и тяжёлой. Но нельзя пасовать и сдаваться перед её трудностями. Воля и стойкость человека не менее важны, чем его интеллектуальные и творческие способности. Жизнь дана для испытаний, борений, преодолений и обретений. Приходится и радоваться, и страдать, принимая жизнь такой, какая она есть.

*Да, только так — ликуя и скорбя,
все породнив в себе, и стоит жить на свете,
где есть деревья, краски, ветры, дети.
И есть любовь,
которая с тобой
пройдёт весь путь земной
до крышки гробовой (4, с. 11).*

Беляев подчёркивал значение творчества как рождения чего-то нового, как созидания, наполняющего жизнь смыслом и делающего её интересной и насыщенной. В то же время его очень волновал вопрос о судьбе таланта в мире, вопрос: почему так часто эта судьба оказывается несчастливой и даже трагической? Ведь именно талантливые люди двигают культуру и науку вперёд, делают открытия, творят шедевры искусства, намечают новые пути развития. А их часто не признают при жизни, гнобят оппоненты-консерваторы, к ним холодно, а иногда и враждебно относятся власти и обывательская среда, они материально бедствуют. Им очень часто приходится жить и творить не благодаря, а вопреки окружающим социальным условиям и обстоятельствам. Именно такую трудную судьбу одарённого художника Алексея Авдеевича Аникеенка Беляев представил в своеобразной книге «Поэма Солнца», имеющей документально-прозаическую и поэтическую части. Аникеенок, участник Отечественной войны, вернувшийся с неё инвалидом, обладал весьма своеобразным характером. Писал свои картины, не следуя каким-то определённым канонам, а только исходя из собственного, достаточно оригинального видения мира. Поэт, давая другу-художнику очень выпуклую образную характеристику, писал:

*И что ему ваши каноны,
творцы современных пустот,
когда он пейзаж законный
за принцип вселенной берёт,
и весь его переиначит,
безжалостно прекроит...*

*Там, в мире, который он создал,
от нас удаляясь навек,
обросший избёнками
к звёздам
в телеге плывёт человек! (6, с. 248).*

В последних словах Беляев повторил свою излюбленную мысль о необходимости человеческого устремления к небу. Именно туда поднимает талант творца! Но, увы, неординарное, новаторское утверждается, пробивает дорогу в жизни с большим трудом и не сразу.

Жизнь и судьба любого человека включены в контекст исторического времени, которое накладывает на них свой существенный отпечаток. Беляев относил себя к поколению шестидесятников, пережившему периоды надежд и разочарований. Им написано немало стихов исторического и политического характера, на анализе которых я подробно останавливаться не буду. Это — отдельная самостоятельная тема. Хочу отметить только следующее.

В своих стихах об отечественной истории и современности Беляев предстаёт как патриот, всячески желающий блага Родине, призывающий служить её интересам

и в то же время горько сожалеющий о тех бедах и трудностях, которые пришлось пережить народу нашей страны и с которыми он сталкивается сейчас. Поэт весьма критически оценивал постсоветское время, считая его временем обманутых надежд, беспощадной власти денег, резкого обогащения одних и обнищания других и роста националистических настроений.

Беляев совсем не придерживался распространённой идеи линейного прогресса, согласно которой завтра жить будет лучше и легче, чем сегодня, а люди будут становиться умнее, сильнее и нравственнее. По его мнению, пора отказаться от прекраснотушних мечтаний, всяких утопий, которые никогда не сбываются, а попытка их осуществить ведёт только к насилию, большим бедам и жертвам. *«Большевики почудили, и будет»* (1, с. 201) — так сказал поэт, имея в виду строительство коммунизма.

Беляев был убеждён: поэт не должен идти в прислужники власти, а всегда быть на стороне народа, гражданского общества, выступать в роли их рупора и критика власти. *«Поэты — олухи небесного царя, / и не в ладах с царящими — земными»* (2, с. 105).

В поздний период творчества поэта усилились его религиозные умонастроения, заметно проявились думы о старости, смерти, возможности бессмертия. Предстали многочисленные воспоминания о прошедших годах и молодости, об уже ушедших людях. Беляев отмечал, что *«Наше поколение от безверья / трудно поворачивает к вере»* (3, с. 82), но он сам решительно повернул к христианской вере, создав ряд стихотворений религиозного содержания. Ему понравилась мысль Бердяева о том, что *«атеизм — и тот — всего лишь дверь, / тайный, чёрный ход в чертоги Бога»* (2, с. 132).

Да, небо, звёзды молчат, если к ним обратиться с вопросом *«Где же ты, Бог?»* (3, с. 99). Но, с другой стороны, небо — это бездна неизведанного... К этому можно добавить: присутствие в мире красоты, гармонии, совершенства, а также человека как разумного и нравственного существа, говорит в пользу их высшего Творца.

*Есть Нечто, выше и разумней нас,
Есть Ты, Господь, спасённый веком Спас* (3, с. 146).

Нельзя доказать научными методами как существование Бога, так и его отсутствие. Но человеческое сердце, настроенное на любовь, доброту и бескорыстие, чувствует, что Он должен быть, и Он есть! Поэтому в Бога надо верить, вера носит обнадеживающий и спасительный характер.

Тайна Бога бесконечна, и её не охватить разумом. Можно выработать философское понятие Бога как мирового разума и вкладывать универсальный смысл в слово «Бог». Но это мало что даёт верующему человеку. *«Нет бога, если Бог — всего лишь слово, / молчи, душа! Молитва — бесполезна»* (1, с. 59). К Богу надо относиться как к личности или сверхличности, т.е. как к живому доброму и любящему существу, способному чудесным образом ниспослать благодать конкретному верящему в него человеку, прийти к нему на помощь тогда, когда тот об этом просит в своих молитвах. Надо всем сердцем возлюбить Бога, и тогда с Ним установится сокровенная духовная связь, которую никакому постороннему не сможет разрушить. Беляев написал ряд стихов, посвящённых Христу, празднику Пасхи и Библии.

*Христос воскрес!
Он смертью — смерть поправ.
И эта формула сияет, как кристалл!* (3, с. 217).

Значит — победа над смертью возможна! Возможна после смерти иная взвездная, скорее всего, нефизическая жизнь! Возможно воскресение! Христос, воскреснув, вознёсся на небо. Значит — посмертная судьба связана с небом. Всё это можно воспринять с большим воодушевлением. Но Христос — Богочеловек, и то, что Он сделал, насколько доступно для обычного человека? И здесь остаётся большая неопределённость, и тайна смерти сохраняется. Как считал Беляев, надо стараться её разгадать.

*Ночь глуха, необъяснима Смерть.
Но, пока мы живы — над разгадкою
думаем, за мёртвых и живых* (2, с. 151).

Теме смерти и бессмертия Беляев уделил большое внимание, и он подходил к тайне смерти с разных сторон:

*Но как это можно:
ты дышишь, и вдруг — ничего...
Квадратный абсурд... И беспомощность мысли.
И стыдно* (1, с. 28).

Здесь выражен протест против самого события смерти, его абсурдности для мыслящего существа. Если смерть — просто обрыв, конец жизни, и больше ничего, то это означает победу разрушения над порядком, низшего над высшим, неживого над живым, неразумного над разумным. Это — плохо, стыдно, тем более умерший не просто исчезает, а оставляет труп, который надо в силу его быстро начинающегося разложения скорее похоронить или сжечь. «Смерть на земных свершениях так грубо ставит точку...» (2, с. 129).

Смерть есть беда, трагедия, разлука, утрата, пустота, траур. Сверлят безнадёжность и отчаяние: дорогой и близкий человек ушёл НАВСЕГДА! Его не будет НИКОГДА!

Можно объявить смерть абсолютным злом, однако следует не забывать, что смерть — это облегчение для смертельно больного, освобождение от невыносимых болей и страданий, сбрасывание брэнной оболочки земного бытия и упокоение. Упокоения ждут старики, очень уставшие от жизни и её тягот. К тому же смерть встроена в процесс циклического развития жизни, служит её обновлению в качестве способа смены поколений, т.е. она выступает как момент самой жизни. Некоторые мыслители вообще утверждали, что жить — это значит умирать. Смертность, т.е. конечность жизни заставляет её ценить, а страх смерти оберегает жизнь, заставляет отказаться от рискованных поступков, грозящих гибелью. Таким образом, феномен смерти многогранен, и к нему можно относиться по-разному.

Представленные соображения о смерти — это переживания и мысли людей, встретивших смерть близких и родных и продолжающих жить уже без них. Касаясь таких соображений, Беляев в то же время пытался ответить на другой вопрос: что испытывают умирающие в последние моменты своей земной жизни? У него был достаточно традиционный ответ: умирающий ощущает то, как душа отделяется от тела и улетает в небо. Смерть наступает в минуту, «...когда душа отринув пути, как птица — ветер обретёт...» (1, с. 126). А тело остаётся на земле и должно быть предано ей. Короче

говоря, прижизненное единство тела и души разрывается, и душа начинает вести самостоятельное существование.

Предсмертная агония может быть ужасной, но, как считает поэт, надо напрячь свою волю и достойно встретить смерть. «Принять достойно жребий в миг последний, / суждённый каждому — без жалоб и стонов» (3, с. 219).

Как известно, согласно библейской истории, Бог внёс смерть в земной мир как наказание за первородный грех первых людей, что однако не означает Его отрицания жизни после смерти. Наоборот, именно с Богом связывается перспектива такой жизни. Перспектива, в которой душа умершего, вознёсшаяся на небеса, может даже встретиться с самим Богом.

*Когда настанет час — туда
взлететь, в небытие,
душа без страха и стыда
во царствие Твоё,
войдя, узрит и ощутит — воистину велик,
непостижимый звёздный лик,
всемирный Божий лик... (3, с. 227).*

Итак, жизнь после смерти имеет продолжение. Смерть — это не абсолютный, а относительный конец земной жизни, а не жизни вообще. Человеческое Я, утрачивая физическое тело, не способное жить, может попадать в другую реальность, в иной мир, в предельной перспективе — в вечность. Тогда сутью смерти оказывается переход от земного мира в потусторонний.

Беляев не прибегает к религиозным представлениям об аде, рае, чистилище, когда пытается охарактеризовать загробную реальность. Её очень трудно описать в земных понятиях, но в любом случае — это край «неведомого, безмолвия, молчания», край «праотцов неземных» (3, с. 74, 87). Там, как считает поэт, возможны встречи с умершими, всякие чудесные путешествия и трансформации.

Бессмертие может пониматься по-разному. Буквально бессмертие — это отрицание смерти вообще, т.е. вечное существование, не имеющее конца. Человек, родившись, в статусе одной и той же личности в данном теле, не умирая, продолжает жить вечно. Такая возможность выглядит явно фантастической. Заботы смертных людей о таком бессмертии Беляев справедливо называет наивными и даже забавными. В то же время он считает вполне естественной и важной заботу людей оставить на Земле хорошую память о себе, добрые свершения и результаты своего творчества для будущих поколений. Речь тогда ведётся о духовном бессмертии. Таким же естественным человеческим желанием является стремление увидеть земное продолжение в своих детях даже тогда, когда тебя не будет.

*Не раз тебя обступит с трёх сторон
весь мрак отчаянья. Но удержи свой сон
и оглянись — звезда твоя сияет,
ребёнок твой играет во дворе,
в нём жизнь твоя — как искра в янтаре
сквозь время мчит, дробясь — не исчезает! (4, с. 104).*

Другое понимание бессмертия строится на признании смерти как фактора его осуществления через некий сверхъестественный переход. Согласно религиозной точ-

ке зрения, этот переход контролируется Богом, определяющим выбор: когда кому умирать. Уходящих из земной жизни людей Беляев представляет в виде гигантской живой очереди.

*Живая очередь... Нас много — миллиарды.
А он — один, как фельдшер на селе.*

Ему видней — чья очередь настала... (3, с. 102).

Получается так: для того, чтобы стать бессмертным, надо умереть. Через смерть происходит переход от земной временной и несовершенной жизни к жизни вечной, приближённой к Богу. За возможностью такой жизни стоит божественное происхождение человека.

*Бог, сотворив человека,
не мог его не наградить —
вдунул в своё изделие
чуток своего бессмертия,
чуть позднее — народами
названного душой (3, с. 181).*

Не надо торопиться попасть на Тот Свет. Попасть туда никогда не поздно. «*Не спешите. Живите! / Потом полетите на Свет!*» (3, с. 110). Необходимо испить чашу жизни до дна — тогда и умирать не страшно.

*Мы смерти не боимся.
Что она —
для смертного — давным-давно известно...
Скрипим...
Но чашу жизни — пьём до дна.
Любая хитрость с нею — бесполезна (3, с. 210).*

Смерть делит людей на тех, кто остаётся жить на Земле, и тех, кто её покидает, отправляясь в полёт к небесным потусторонним краям. Уходящие обращаются к остающимся со своими заветами, желают им добра и продолжения земных дел, просят не забывать о них. Беляев выступает от лица уходящего поколения:

*Наши дни сочны,
нам осталось немного — чуть-чуть ...*

*Мы уходим, бросая
прощальные взгляды живым,
дай им Бог — эту землю
любить больше нас, уходящих,
дай им Бог — залечить
её раны, ожоги и швы... (1, с. 165–166).*

Конкретные черты загробной жизни покрыты завесой неизвестности, но в любом случае она не может протекать в одиночестве и отчуждённости. В этом убеждён

Беляев, неоднократно обращавшийся в своих стихах к идее встречи любящих друг друга душ на том Свете. В стихотворении «*Последний полёт*» он рассказывает о такой будущей встрече, посмертной встрече своей души с душой любимой жены Лоры, их соединения и обретения вместе одного места в вечности. Выражается светлая вера в то, что смерть разлучает родных и близких людей временно, а на том Свете любовь их соединяет навеки. Невозможное в земном мире становится Там возможным.

*Там, где параллельные завязаны
Лобачевским — навсегда — узлом,
Мы с тобою встретиться обязаны ...
Встретимся, порадуем друг друга,
полетим бок о бок — обе — две
душеньки...
И вдруг — рванём из круга
с чёрной воронкой там, на дне!
И у ног Творца, а не кумира
Благодать и место обретём
в дантовской цветущей Розе Мира,
вечной для народов и времён (3, с. 208–209).*

В заключении хочу сделать некоторые выводы. По моему мнению, Николай Николаевич Беляев был не только хорошим поэтом, а и поэтом-мыслителем, способным выявлять суть рассматриваемых вещей и проблем и делать интегральные обобщения. Такой вывод позволяет сделать моё неоднократное вчитывание в его стихи, причём и в те, которые не анализировались в данной статье.

По моему мнению, постоянная обращённость к небу, стремление связать человеческую судьбу с космосом, думы о жизни, смерти, бессмертии и их соотношении дают право отнести Беляева в определённой мере к числу русских космистов. Тем более, он в своих стихах говорит и размышляет о русском Боге, русской истории, русской идее. Приведу здесь его определение последней:

*Русская идея — вечный путь —
через бунт — в раскаянье, смиренность,
осмысление и долготерпенье —
с приказкой — авось и как-нибудь... (3, с. 223).*

Мне кажется, что получилось содержательное определение русской идеи в её лапидарной поэтической форме.

В то же время надо сказать, что космизм в поэзии Беляева, как и у многих других поэтов, не стал целостным мировоззрением, системой, а остался на уровне отдельных идей и догадок. Но такой задачи Беляев и не ставил.

И ещё. Я назвал бы Беляева поэтом, очарованным Тайной. У меня сложилось впечатление: поэт относился к тайнам как к тому, что украшает жизнь, делает её более интересной, азартной, привлекательной. Тайны не исчезают никогда и не раскрываются до конца. И такая сохраняемость тайн всегда оставляет возможность проявления чуда, какого-то чудесного события. На мой взгляд, такая ситуация привлекала и волновала поэта, служила основой игры его творческого воображения. Чудо, невозможное событие, Беляев описал в стихотворении «Сосна», в котором указанное

дерево, растущее в тесном дворе, в одно прекрасное весеннее утро исчезло, ушло куда-то, что очень обрадовало поэта (5, с. 43–44). Да, чудеса случаются!

Закончу таким стихотворением Беляева, которое мне очень понравилось:

*В беспросветном колодце,
в чёрной бездне нужды
вдруг — лучом уколоться
вечно новой звезды.
И почувствовать радость,
встречный трепет её,
светоносную святость
и не быт — бытие (1, с. 52).*

Воспринятый свет далёкой звезды, летящий к нашей планете, тысячи и, может быть, миллионы лет, приобщает тебя к пространству и времени Вселенной, и тем самым заставляет ощутить и понять свою жизнь не как скудный быт, а как значимое бытие.

Книги Н. Беляева, цитируемые в статье:

1. Помню. Слышу. Люблю...— Казань: Татар. кн. изд-во, 2007.
2. Казанская тетрадь.— М., Изд-во «Знак», 2007.
3. На последней прямой.— Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.
4. Казанская тетрадь: лирика.— Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.
5. Перекрёсток: лирика.— Казань: Татар. кн. изд-во, 1972.
6. Поэма Солнца. Памяти художника Алексея Авдеевича Аникеенка.— Казань: Изд-во «Идел-Пресс», 2012.

Редакция литературного журнала «Армак. Татарстан» сердечно поздравляет нашего уважаемого автора Камиля Хасановича Хайруллина с 75-летием, желает ему крепкого здоровья и надеется на дальнейшее сотрудничество.